

МАЙКУДА

РАССКАЗ

В ту зиму на льду Енисея Климка Околелов произнёс столько бранных слов, сколько уже не скажет за всю оставшуюся жизнь.

Ненасытные нерпы калечили рыб, застрявших в ячее. Выкусывали гортани. Траченный товар рыбзавод брал по пять копеек за килограмм, и везти его за пятнадцать километров в посёлок было себе дороже. Климкин хозяин ненец Андрейка оставлял нестандартную рыбу на снегу. Он нашёл Климку в декабре в Дудинке, на холодной скамейке речного вокзала. Ему нужен был непьющий работник. Климке — солидный работодатель. Они поладили. Климка нанялся на четыре месяца.

Устный договор предполагал абсолютное повиновение Андрейке на реке и у него в доме. А также немедленный расстрел за попытку прелюбодеяния с его женой. Ему было обещано килограмм чёрной икры в месяц, оленье мясо и белорыбицы «от пуза». Картошку — по праздникам. стакан водки в Новый год. И два процента от выручки при окончательном расчёте. Не новичок на реке, Климка расспросил о лимитах вылова, грузовом транспорте, рыболовной оснастке и сделал вывод, что уже в марте для него наступят щадящие времена. О нашествии морского зверя он не подозревал.

Сети проверяли один раз в два дня. Среди ночи пили чай. Выводили из пристройки снегоход с длинными грузовыми нартами. На нартах крепили высокий короб и ехали на реку. Андрейка предпочитает за рулём сидеть одиночно. В «случае чего» никто не помешает ему «катапультироваться» на лёд. Климка с Андрейкиной молодой женой Майкой, по паспорту Майкудой, располагаются на меховой постели внутри короба. Сверху на них брошены оленьи шкуры. Андрейка требует, чтоб Климкины руки всегда лежали на бортах, а головы, его и Майкина, возвышались над пологом. Климка и Майка беспрекословно выполняют требования ревнивца и объясняются друг с другом при помощи глаз и ног. Майка даёт знать, что она принята в дом Андрейки на тех же условиях, что и Климка, жаждет свободы и до смерти боится мужа. Климка сочувствует ей.

Холод зверский. Снег высушен морозом. Противно скрипит под полозьями. Будто движутся они по пенопласту. Климкино лицо в куржаке и сосульках. Он перестал ощущать встречный ветер. Испуганные глаза Майки сигнализируют тревогу. Щека тереть будешь, предупреждает она.

Спрятаться под шкуры Климка не может. Встаёт. Разворачивается спиной к Майке. И вывернутой овчинной рукавицей оживляет омертвевшие места.

Андрейка видит движение в коробе. РадуетсЯ Климкиным мучениям. Понимает — сейчас работнику не до флирта.

— Твой мороженный глаз хорошо видит? — злорадствует он, — мой хорошо балок видит. Скоро чай будешь пить. Иди под шкуру — долго живой будешь, — великодушно разрешает он.

Повторять не надо. Климка ложится на дно короба, заползает под оленью полость и, в отместку за злорадство хозяина, прячет лицо в волчий малахай Майки. Тёплые пальчики находят его щёку.

Передвижной балочек над смотровой лункой (майной) хорошо утеплён. По каркасу набит мех. Мех накрыт брезентом. Вдоль длинной стены широкий дощатый настил. На нём подушка и шкуры. У двери на гвоздях рыбацкий инструмент, за настилом, на полке — примус, посуда и рыбацкая печка-капельница. Вытяжная труба высоко поднята над балком. Её-то за несколько километров и усмотрел позверинуму зоркий хозяин. Пола нет. Вместо него — хорошо утопанный снег. «Майна» в центре балочка. Прогонный канат сети привязан к мощной угловой стойке балка.

Два дня пурги не было. Убраться вокруг балка для Климки минутное дело. Пока он зачищает и расширяет лунку от наросшего льда, Андрейка с Майкой готовят завтрак. Шумит примус.

Теперь внутри рыбацкого убежища тепло и светло. Работают без шуб и рукавиц. Андрейка вытащил из-под нар обитый белой тканью щит. Укрепил его торчком над лункой. Включил магнитофон, завёрнутый в белую тряпку. Сам спрятался за щитом с острой. Громко звучат вальсы. Климке с Майкой не видно, что происходит в воде. Но, судя по Андрейке, любители вальсов уже заняли свои места «в партере». Охотник напрягается. Поднял острогу. И что есть силы колет кого-то в воде. Шумный всплеск, стон.. и крик отчаяния, похожий на свист. — Маут! — вопит хозяин.

Климка отбрасывает щит в сторону. Падает на лёд. Набрасывает ременную удавку на голову нерпы. Втроём поднимают её из воды. Андрейка бьёт животное обухом топора. Чёрные, влажные, умирающие от боли и страха глаза нерпы гаснут и закрываются. Тушу вешают на крюк, специально устроенный под потолочной конструкцией. Андрейка делает надрез на горле зверя. Майка уже наготове с кастрюлькой. Посуда быстро наполняется. Андрейка подсаливает кровь. Жадно пьёт через край. Предлагает Климке. Того тошнит. Майка не сводит глаз с мужа. Наконец наступает её черёд. Пьёт жадно. Так пьют в жару воду из ведра у колодца. Широкое скуластое лицо измазано кровью. Она вождеденно причмокивает. Закрывшись кастрюлькой и подмигивает Климке. Чем не кадр для кинофильма о вампирах! Утолив жажду, Андрейка с Майкой свежуют зверя.

Бедная любительница вальсов! На какую неожиданную наживку тебя подловили человеки. А нас разве не подлавливают? Нам подобные! Не на вальсы. На марши. На сказочки о национальном и религиозном превосходстве. На басни о красивой жизни. О солдатском братстве. Кто-то наживался на искусно раздуваемой ненависти. А кто-то истекал кровью, как эта нерпа. Но по-прежнему мы спешим туда, где играют марши.

После завтрака проверяют сеть. Майка уходит за две сотни метров от балочка. Будет слабеть натяжной канат. Климке доверена простая операция. Поднять сеть из воды. Вес немалый. Сотня грузил-кирпичей. Полтонны рыбы! Водоросли и облепившие нитку рачки не в счёт. Каждым наклоном-разгибом Климка поднимает сеть на треть метра. Четыре-пять таких движений, и они набрасываются на улов. Выпугивают рыбу. Не кусанную нерпой складывают в угол. «Порченую» вышвыривают в открытую дверь. Великолепные толстые муксуны, нельмы, чири и омули будут лежать в снегу до весеннего паводка. Ржаветь, вымораживаться — и со льдом уплывут в океан. Только отдельные, полутораметровые нельмы, хотя и растерзанные зверем, достаиваются Андрейкиного внимания. И остаются в балке.

Рыбу выбрали. Встряхивают сеть. Климка лопатой выгребаёт из-под неё миниатюрных чудовищ. Их несколько видов. Рогатых рыбок с шипами на голове и спине и выпученными розовыми глазами Андрейка называет дедушками. Широких и плоских рачков с наростами, похожими на бородавки, — бабушками. Бабушки, по его мнению, — полезные создания.

— Таких в брюхе рыб много валяется, их в воду бросай, — приказывает он. А бесполезных дедушек вываливают на мороз.

С каждым проверенным участком сеть становится легче и дело идёт быстрее. Спустя четыре часа в балок возвращается Майка. Грузят рыбу. Короб полон. Ещё больше рыбы осталось на снегу. С таким уловом «Бурану» всех не вывезти. Кто-то один должен остаться в балке. Или идти в посёлок пешком. У Андрейки решение давно готово.

— Мужики рыбу сдавать будут. Высоко носить. Баба спать будет. Пойдёт домой сегодня придёт. Не сдохнет.

Холодный склад, куда сдают улов, по размерам равен двухподъездному двухэтажному дому. Рыба в складе навалена под крышу, её здесь сотни тонн. На рыбе лежит трап. По нему надо подняться с тяжёлыми носилками до последних ступенек и вывалить груз в общий бурт. Нельму взвешивают отдельно. Огромные рыбины стоят у стены рядом с весами, как доски. Наконец Андрейке выдали квитанцию — дело сделано. Можно расслабиться. Климке не даёт покоя брошенная на снег рыба. У него есть предложения. Андрейка пренебрежительно выслушивает, отвечает нехотя, сквозь зубы. Он в грош не ставит рассуждения дилетанта.

Филе? Пять копеек! Тёшку коптить? Завод сам коптит — пять копеек! Фарш? Через мясорубку? — стакан в руке хозяина замирает. Пристально смотрит на Климку. Набросил шубу. Выбежал на мороз. Возвращается нескорю. Природой заложенные в его характер сдержанность и вкрадчивость теперь не могут скрыть обуювшего Андрейку торжества. Он добр, как никогда. Предлагает выпить. Вне графика.

— Хорошо придумал, — хвалит работника, — башка ум, как котёл уху, хорошо варит. Купишь в городе мясорубку — в интернате такую видел — шибко богатые будем.

Климка не без гордости сознаёт, что его идея приобретает черты реальности. Но надорванная на «майне» спина и сожжённые на морозе щёки напоминают, что Андрейка не тот рубаха-парень, каким теперь представляется.

Сегодня хозяева заработали пятьсот рублей, ему заплатят — десять! И смущения у хозяина ни в одном глазу. Поэтому он отвечает уклончиво, хотя и обещающе.

— За балык и икру приятели чёрта смастерят.

— Сколечко надо?

— Дело не в «сколечко», — осаживает Климка Андрейку, — я рискую. С икрой поймают — посадят. На заводе с мясорубкой задержат — посадят. Икру и деньги в тюрьму не возьмёшь.

— Одну ночь Майкиным мужем будешь? Климка крутит пальцем у виска. — Крыша, братан, поехала?

Действительно, он не хочет спать с Майкой. После всего увиденного на реке, это всё равно, что спать с медведицей.

Андрейка доволен его отказом. Допивает из бутылки остаток.

— Деньги не берёшь. Майку не берёшь — что берёшь?

— Две тысячи беру.

— Шибко много.

Климка пожимает плечами:

— Твои проблемы!

Уступать он не намерен. Глаза хозяина закрыты. Но вдруг вскочил. Сел на кровати.

— В клуб иди... жену ищи... Скоро шибко богатым будешь. Большой горе мяса хозяин будешь. Твоей башке хорошо думать надо. Моей башке крепко спать надо.

— За Майкой не едем? — удивляется Климка. — Одна на реке...

— Нерпа есть... рыба есть... Кровь пила — не сдохнет.

Два дня Андрейка на реку не едет. Капканы не смотрит. Бродит по соседям. Климка с Майкой весь день наедине. Куда его ревность делась? Но и Майка другой стала. Андрейку жалеет. Климку ругает. Зачем русский Андрейке о мясорубке сказал? Денег нигде нет. «Буран» хочет продать.

Без «Бурана» — зачем мясорубка? Вчера мамонта продавал. Совсем мало денег дают. Климка насторожился. Шутит Майка? Или большая гора мяса — это и есть мамонт?

Женщина замечает его интерес и вдохновляется. Всё, что связано с мамонтом, — главные события её жизни.

— Лето было — купец двадцать тысяч бросал. Андрейка говорил — мало! Теперь две тысячи брать будет. Люди говорят — денег нет... долг давай бери... магазин долг понимает...

— Если хозяева не сговорились, — думает Климка, — в Калуге корова две тысячи стоит. Дом дострою. В навигацию кости вывезу. Соберу чудовище перед домом. И, как в Москве, вывеску нарисую: кафе «У мамонта». Все деньги мои будут! Скорее бы пришёл Андрейка!

— Мамонта продаёшь?

— Продаю.

— Сколько просили?

— Две тысячи

— Я тебе мясорубку — ты мне мамонта?

Андрейка улыбается, тянет руку.

— Мясорубка будет — мамонт будет.

— Товар где?

— Снег будешь бросать?

Климка утвердительно машет головой.

— Завтра едем...

По реке едут недолго. Въехали в Андрейкины охотничьи угодья. На бесконечную холмистую долину. Под одним из холмов Андрейка лопатой очертил круг.

— Здесь, однако

Через час Климка, как в колодце.

Снегу нет конца и края. Неужели разыграли? Наконец, лопата звякнула. Бивень! Климка заработал, как снегоочиститель. Конец бивня плоский. Срезан пилой.

— Такой мамонт мне не нужен, — кричит Климка.

Андрейка улыбается, как фокусник после удачного трюка.

— Купец тысячу давал. Я рог пилил. В Волочанку летал. Майку покупал. Этот мамонт худой. Маленький. Тебе большой продам, дедушку, айда ещё копать!..

Наверху дует. Мокрого Климку колотит. Быстрее бы в короб, под шкуры. Но снова снег и большая лопата в обледеневших рукавицах. Чёрт бы побрал и хозяина, и его мамонта! Влип хуже, чем с рыбой, — думает Климка. К счастью, здесь холмик, и снег не такой глубокий, как в первой могиле. Часа не прошло — дорылся до сухой травы.

— Никакого мамонта нет, — орёт взбешённый Климка.

— Чеси трава лопатой, — советует Андрейка.

Климка щупает подножье осторожными ударами. Под ногами труба, замороженная в землю. Скребёт лёд пальцами — кость. Доисторический великан лежит на боку.

Спустя несколько дней Климка с ведёрком икры и мешком вяленой рыбы входит в цех Норильского механического завода.

Через семь лет, в 96-м голодном, в Норильске у рыбного магазина Климка стал в небывало длинную очередь. Из тундры привезли дешёвый рыбный фарш

в килограммовых брикетах. Зарплату на комбинате задерживали, и при общем безденежье этот товар для многих был истинным спасением. Фарша Климке не хватило, но с продавцом он покалякал.

- Из Сорокина товар?
- Был там? — удивился продавец.
- Андрейкина продукция?
- Его.
- Как он?
- Брюхатый и богатый.
- Когда-то мне мамонта продал за мясорубку.

Продавец улыбнулся:

- Слышал про это. Корпус титановый...
- Шнек и ножи никелированные, — добавил Климка.
- Точно. На ней и кручено. Говорят: продал, а землю трогать не разрешил.
- Зла не держу. Чем бы народ сейчас кормился? Сам он как? Дети есть?
- Дочки. Беленькие, в маманю.
- Беленькие?
- Клавка русская. Он у неё как грузчик. Она торговлю крутит.
- А Майка? Майкуда по паспорту?
- Такой женщины не знаю.

По этому случаю он достал из-под брезента два припрятанных брикета.

- Долг за мясорубку!..

Они посмеялись над прошлым.